

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Октября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10435.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА.

Рассказъ Мориса Левеля.

(Съ французского).

Когда дверь распахнулась, я на секунду простоял на порогѣ. Но такъ какъ приведшая меня старуха повторила: „это здѣсь“, я вошелъ.

Сначала я замѣтилъ только горѣвшую лампу, покрытую низко спущавшимся абажуромъ; затѣмъ я въ полутьмѣ разобралъ неподвижная очертанія тощаго тѣла и костляваго лица, отражавшіяся на стѣнѣ. Въ воздухѣ чувствовался слабый запахъ керосина и эаира. Слышался только монотонный шумъ дождя по кровельнымъ черепицамъ и глухое завываніе вѣтра въ печной трубѣ.

— Сударь,—тихонько произнесла старуха, склоняясь надъ замѣченной мною постелью,— сударь, господинъ, котораго вы спрашивали, здѣсь...

Тогда неподвижная тѣнь внезапно выпрямилась, и сдавленный голосъ произнесъ:

— А, хорошо!.. Оставьте насъ однихъ, сударыня... Оставьте насъ однихъ...

Когда за старухой закрылась дверь, голосъ снова заговорилъ:

— Приблизьтесь, милостивый государь, я уже почти ничего не вижу, въ ушахъ у меня шумитъ, мнѣ очень трудно говорить... Здѣсь подѣлъ меня долженъ стоять стуль... Простите за причиненное вамъ беспокойство, но я долженъ сообщить вамъ нѣчто столь важное...

Съ широко раскрытыми глазами, какъ будто стараясь проникнуть сквозь стущавшійся вокругъ него туманъ, съ вытянутымъ въ мою сторону лицомъ, онъ дрожа бормоталъ:

— Но прежде всего, дѣйствительно ли вы присяжный поверенный Жерну? Имѣю ли я честь разговаривать съ господиномъ старшиной адвокатскаго сословія Жерну?

— Да, — сказалъ онъ,

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—

я могу исповѣваться передъ вами. Я подписалъ подъ своимъ письмомъ фамилией Перье, но это не мое настоящее имя. Быть можетъ, если бы смерть, держаща меня своими когтями, не измѣнила такъ ужасно моего лица, его черты вызвали бы въ васъ нѣкоторое смутное воспоминаніе... Но это не важно...

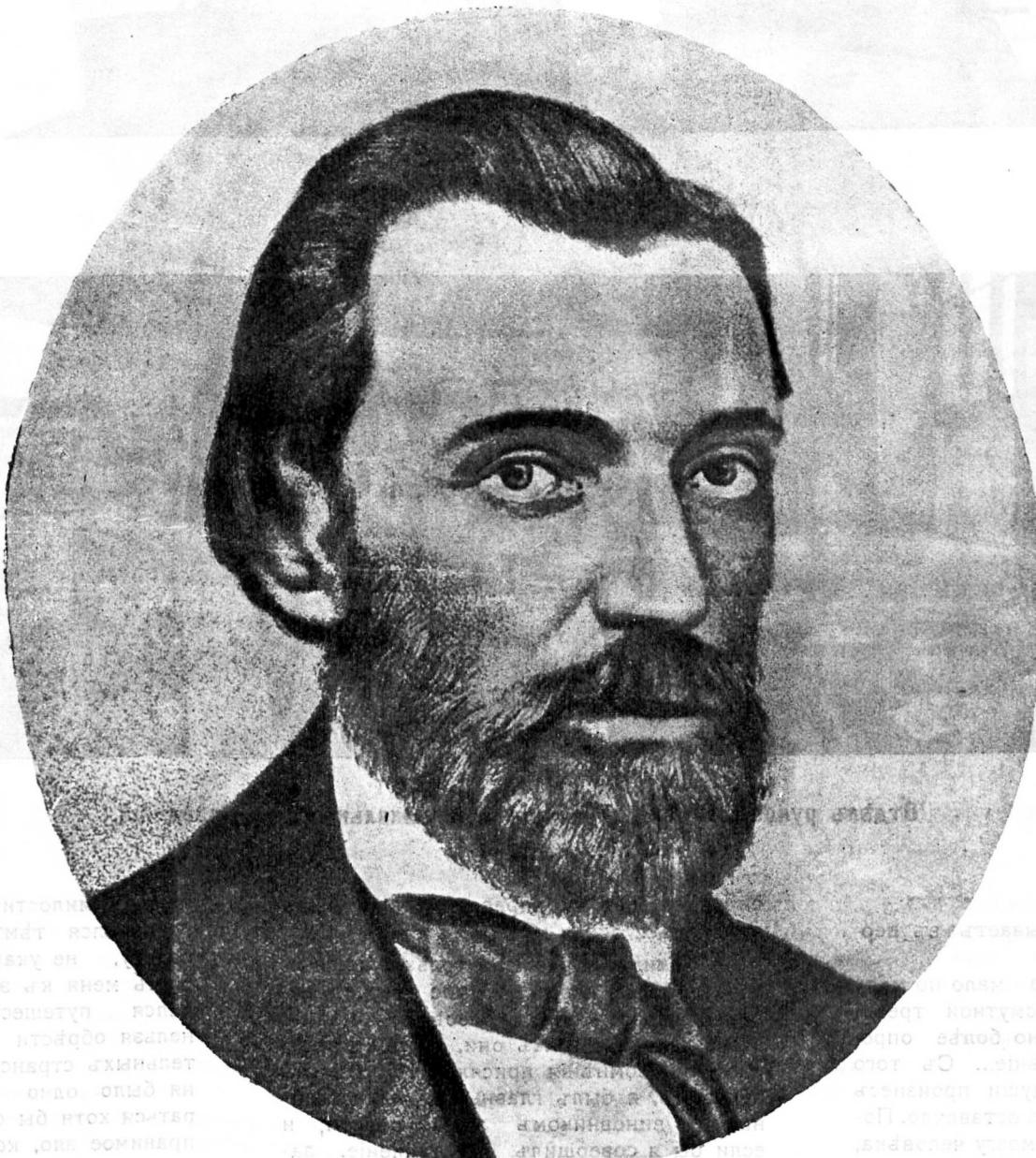
читаль обвинительный актъ, я сразу увидѣлъ, что предстоитъ жестокая битва. Ибо если судебное слѣдствіе собрало противъ подсудимаго довольно тяжкія улики, оно однако не могло найти ту рѣшительную улику, которая вызываетъ сознаніе преступника или равносильна такому сознанію. Подсудимый защищался

съ мужествомъ отчаянія. Въ судебнѣмъ залѣ вѣяло сомнѣніемъ, почти симпатіей, а вы знаете, какъ сильно вѣяніе такой атмосферы!

„Но судья не поддается такъ легко вліянію чувства. Его отрицанію я сумѣль противопоставить точность фактовъ, совпаденіе событий; я взялъ всю жизнь этого человѣка, безжалостно разсмотрѣлъ ее и показалъ всѣ его промахи и пороки. Я сумѣль оживить передъ присяжными страшный моментъ преступленія и, подобно тому, какъ охотничья собака приводить своего хозяина къ логовищу звѣря, я довелъ ихъ до убийцы. Защитникъ пытался спорить со мною, разбить мою аргументацию... Напрасно; я требовалъ головы: я получилъ ее.“

„Если при чтеніи приговора я и испытывалъ нѣкоторое волненіе, то чувство стоятъ. Оно вспыхиваетъ радостной гордости аплодисментами, быстро его подавило. Этотъ обвинительный приговоръ знаменовалъ одновременно побѣду права и мое личное торжество.“

„Утромъ передъ казнью я снова увидалъ преступника. Я присутствовалъ при его пробужденіи и туалѣ, и при видѣ его безстрастного лица я почувствовалъ какую-то неопределеннѣю и глубокую тоску. Мельчайшія подробности этого печального часа еще живы въ моей памяти. Онъ далъ связать себѣ руки и спутать ноги безъ всякаго сопротивленія. Я не смѣль глядѣть на него; онъ же смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза съ нечеловѣческимъ спокойствіемъ. На порогѣ тюрьмы передъ самой гильотиной онъ дважды прокричалъ: „Я не виновенъ!“ И толпа, которая готовилась встрѣтить его свистомъ, внезапно умолкла. Затѣмъ онъ

И. С. Никитинъ.

По случаю пятидесятилѣтия со дня смерти.
Много, много лѣтъ тому назадъ я былъ членомъ судейскаго сословія, прокуроромъ республики... Я былъ изъ тѣхъ, о комъ говорили: „Онъ пойдетъ далеко!“ И, дѣйствительно, я хотѣлъ сдѣлать карьеру. Я выжидалъ случая, который далъ бы мнѣ возможность выказать свой талантъ и силу: и вотъ одно дѣло въ судѣ присяжныхъ предоставило мнѣ эту возможность. Дѣло это происходило въ небольшомъ городкѣ. Преступленіе, въ общемъ довольно банальное, которое въ Парижѣ прошло бы совершенно незамѣченнымъ, здѣсь, служило предметомъ страстныхъ споровъ, и когда секретарь

повернулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ: „Посмотрите-ка, какъ я буду умирать, это стоитъ того!“ Онъ обнялъ священника и своего адвоката... Затѣмъ онъ, кажется, самъ легъ на доску, въ продолженіе тянувшейся цѣлую вѣчность секунды ожидала его связанное тѣло ни разу не вздрогнуло, а я стоялъ съ непокрытой головой. Я говорю „кажется“ потому, что точно я этого не знаю, ибо въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я потерялъ всякую способность чувствовать и понимать.

„Въ слѣдующіе дни мои мысли до того притупились, что я сначала никакъ не могъ разобрать, откуда происходитъ разслабляющая меня тревога. Я не могъ ни о чёмъ думать, кроме смерти этого человѣка. Товарищи мнѣ говорили:

— Это всегда такъ бываетъ въ первый разъ...

„Я имъ повѣрилъ, но мало по малу среди обуревавшей меня смутной тревоги начало выдѣляться одно болѣе определенное чувство: сомнѣніе... Съ того дня, какъ я въ глубинѣ души произнесъ это слово, оно уже меня не оставляло. Помните, что дѣлается въ мозгу человѣка, который, добившись обезглавленія другого человѣка, начинаетъ загѣмъ говорить себѣ:

— А что, если онъ не былъ виновенъ?..

— Я боролся съ этой неотвязной мыслью, я старался доказать себѣ ея нелѣпость и невѣроятность. Я апеллировалъ ко всей своей уравновѣшенноти, къ логикѣ, но каждый разъ мои разсужденія наталкивались на слѣдующій вопросъ: „Гдѣ доказательства?“ И тотчасъ же я вспоминалъ послѣднія минуты осужденного, его спокойный взоръ и слышалъ его голосъ. Однажды, какъ разъ въ ту минуту, когда въ моей памяти вставало видѣніе эшафота, кто-то сказалъ мнѣ:

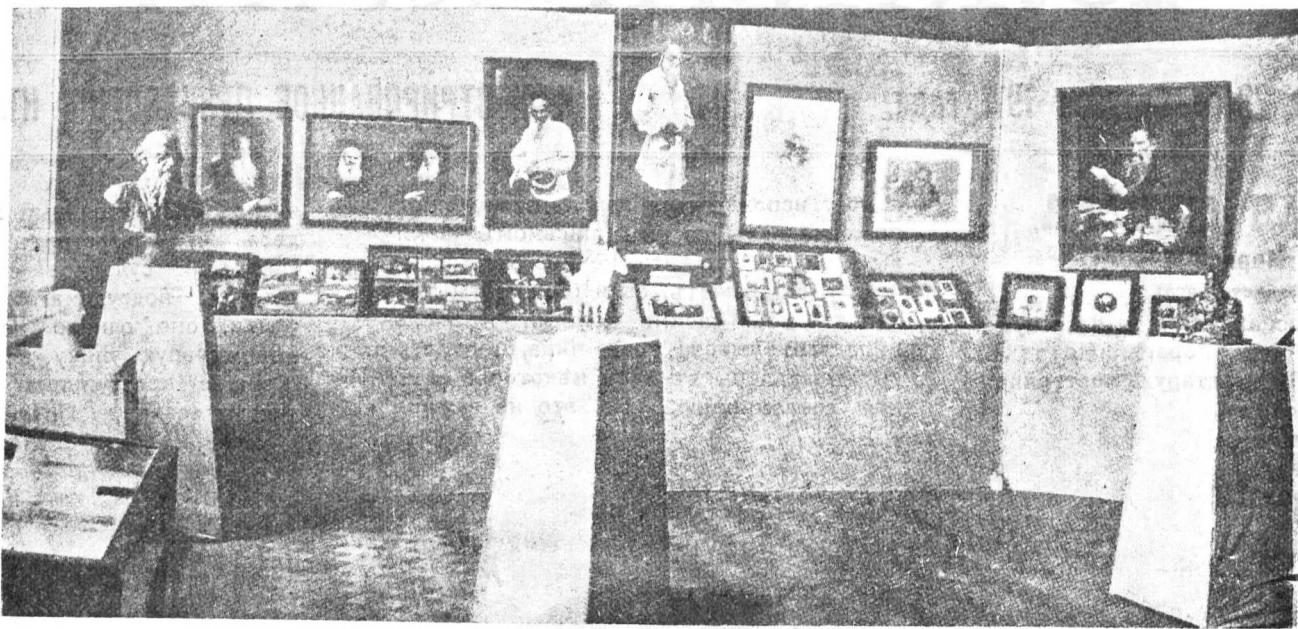
— Во всякомъ случаѣ онъ славно защищался и славно умеръ!... Право, если бы я не слышалъ вашей обвинительной рѣчи, я по временамъ готовъ былъ бы

спросить себя, да вправду ли онъ быть виновенъ?...

— Такимъ образомъ только магическое дѣйствіе словъ и мое твердое желаніе одержать верхъ разсѣяли сомнѣнія этого человѣка, какъ они, быть можетъ, разсѣяли сомнѣнія присяжныхъ! Такимъ образомъ, я былъ главнымъ, единственнымъ виновникомъ этой смерти, и если бы я совершилъ преступленіе, заключавшееся въ отправкѣ невиннаго на эшафотъ, то по строгой справедливости никто не раздѣлялъ бы со мною чудовищной отвѣтственности за это преступленіе!

— Никто не выдвигаетъ противъ самого себя такихъ обвиненій безъ попытки защититься и оправдать себя передъ собственной совѣстью, и вотъ я, чтобы отдѣлаться отъ этого ужаснаго сомнѣнія, снова продѣлалъ шагъ за шагомъ пройденный путь. Я перечиталъ свои замѣтки, снова просмотрѣлъ свои документы; заглядывая въ нихъ, я приходилъ къ тому же заключенію, но, вѣдь, это были мои документы, мои замѣтки, продуктъ моего предубѣжднаго ума, моей воли, поработленной моимъ желаніемъ и моей потребностью считать подсудимаго виновнымъ. Я снова просмотрѣлъ все дѣло, одинъ документъ за другимъ. Я проана-

подлы, милостивый государь, и я удовлетворился тѣмъ, что подалъ въ отставку, не указывая точно побудившія меня къ этому мотивы. Я отправился путешествовать. Увы! забвеніе нельзя обрѣсти съ помощью продолжительныхъ странствованій!.. Теперь у меня было одно только желаніе: постараться хотя бы отчасти искупить неисправимое зло, которое я причинилъ. Наказанный былъ бродягой, безъ семьи, безъ друзей... А между тѣмъ, мнѣ осталось сдѣлать единственно достойный жестъ: открыто провозгласить свою ошибку... Я обвиняю себя! Я обвиняю себя!.. Но на это у меня не хватило духа. Я испугался гнѣва и презрѣнія со стороны своихъ близкихъ. Тогда я решилъ употребить свое имущество на облегченіе всякихъ несчастій, на оказаніе помощи даже виновнымъ,—ибо кто менѣе меня имѣлъ право обрушиваться на приговореннаго? Я отказался отъ всякихъ радостей, отъ удобствъ и даже отъ покоя. Я состарѣлся въ забвеніи, въ уединеніи, въ жалкомъ состояніи. Я не думаю, чтобы можно было болѣе москвича ограничивать свои жизненные потребности. Взгляните на мансарду, въ которой я живу уже много мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ болѣзнь обрушилась на ме-

Отдѣль фотографій.

Отдѣль рукописей Л. Н. Толстого и музыкальныхъ произведеній.

лизировалъ допросы подсудимаго, показанія свидѣтелей. Дабы яяснить оставшіеся неясными пункты, я поставилъ мѣсто преступленія составилъ планъ рокового дома, я дежалъ въ своихъ рукахъ орудіе убийства, я просилъ нѣвыхъ свидѣтелей, которыхъ судебный следователь, забывчивости или небрежности не опршивалъ, и спѣ того, какъ я двадцать разъ перестроилъ зданіе разслѣдованія пришелъ къ твердому и непоколебимому уѣждению, что подсудимый былъ невиненъ!.. И слѣдуетъ это достаточно было для возбужденія во мнѣ ужасныхъ угрозъ съ вѣсти--я получила блестящее повышение по службѣ это была нѣгра на града за мою гнусность!

— Люд-

ня, и я почувствовалъ приближеніе послѣднаго часа. Ибо именно здѣсь я пожелалъ умереть... А теперь, господинъ старшина, вотъ о чёмъ я хочу васъ попросить...

Теперь онъ заговорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что я, дабы понять его, долженъ былъ слѣдить за словами по движению его блѣдныхъ, дрожащихъ губъ.

— Эта история не должна умереть вмѣстѣ со мною. Я хочу, чтобы вы рассказали ее всѣмъ для того, чтобы она послужила поучительнымъ урокомъ для тѣхъ, чей долгъ есть наказывать по справедливости, а не наказывать во чѣмъ бы то ни стало, и чтобы въ тотъ моментъ, когда прокуроръ республики станетъ требовать чьибудь головы, передъ нимъ всталъ призракъ сомнѣнія и не исправимой ошибки.

— Я сдѣлаю это, милостивый государь, сказълъ я ему.

Онъ удержанъ меня кивкомъ головы и съ землистымъ уже лицомъ пробормоталъ:

— Это еще не все... У меня осталось нѣсколько денегъ... которыхъ я не успѣлъ раздать бѣднякамъ... онъ тамъ... въ томъ столѣ... Послѣ моей смерти вы ихъ имъ раздадите... не отъ моего имени, но отъ имени приговоренного къ смерти, казненнаго по моей ошибкѣ на площади этого города тридцать лѣтъ тому назадъ..

Вы имъ дадите эти деньги отъ имени Траная...

Я пробормоталъ:

— Транай? Но, вѣдь, это я его защищалъ... Я былъ...

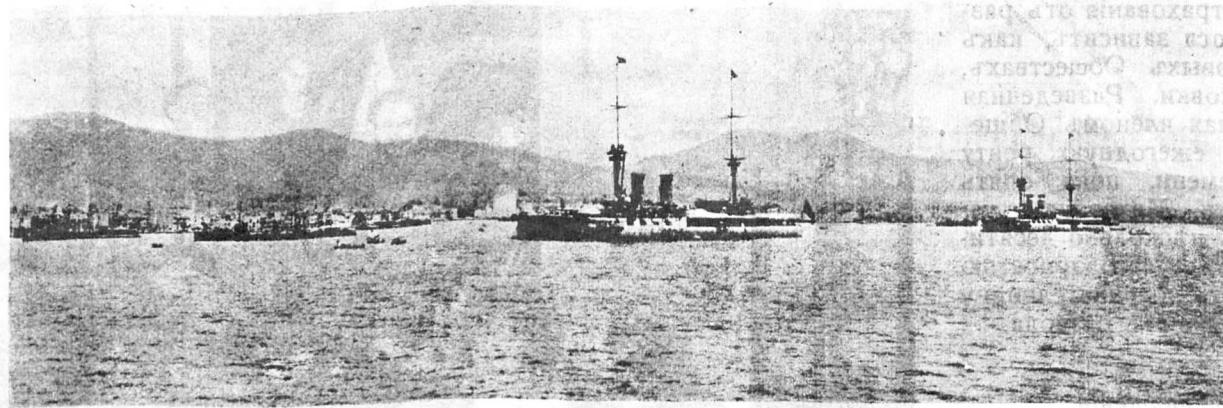
Онъ кивнулъ головой.

— Знаю... Именно поэтому я вѣдь и пригласилъ... ибо, какъ разъ передъ вами я и долженъ былъ признаться во всѣмъ: я прокуроръ Дерру.

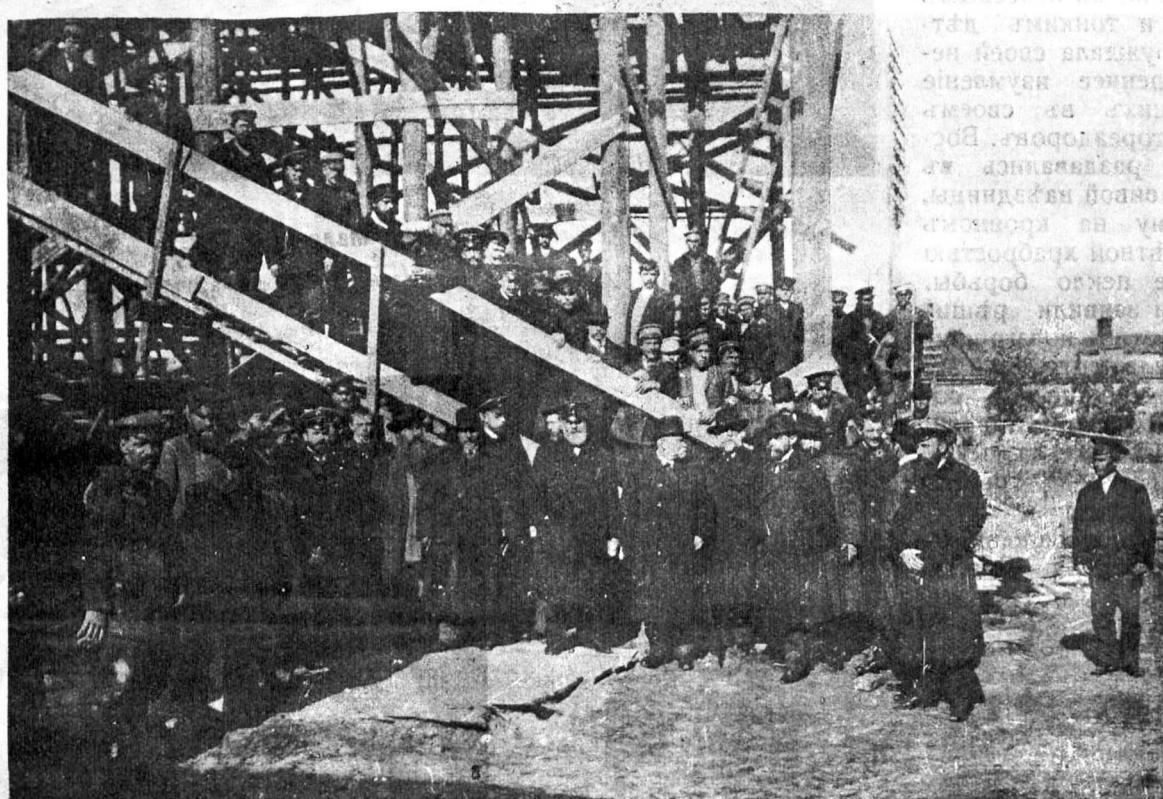
Онъ протянулъ руки къ небу въ отчаянномъ усиїи и молящимъ голосомъ произнесъ:

— Транай! Транай!...

Тогда нарушилъ ли я профессиональную тайну? Виноватъ ли я передъ правилами адвокатскаго сословія?... Но въ виду этой ужасной смерти истина вырвалась изъ моихъ устъ, и противъ своей воли я воскликнулъ:

Турецкая эскадра у Дарданеллъ.

Торжество закладки зданія новой электрической станціи 25 сентября.

(Г. городской голова, группа гласныхъ и рабоч. электр. станціи).

— Господинъ прокуроръ! Господинъ прокуроръ! Транай бывъ виновенъ... Онъ признался мнѣ въ этомъ у подножія эшафота... Въ этотъ-то моментъ онъ меня и обнялъ!...

Но тотъ уже упалъ обратно на подушку... Мнѣ все-таки хочется думать, что этотъ мученикъ успѣлъ меня услышать.

СМЪСЬ.

Алюминіевые плащи.

Самой замѣчательной новинкой въ области одежды являются въ данное время такъ называемые „алюминіевые плащи“, поверхность которыхъ, дѣйствительно, изготавливается изъ алюминія. Плащи эти ничѣмъ не отличаются отъ резиновыхъ и служатъ для тѣхъ же цѣлей, т. е. защищать людей отъ дождя.

Со временемъ для изготавленія такихъ плащъ послужила фабрикація особымъ матеріемъ для обтяжки каркаса воздушныхъ шаровъ. Матерія для этихъ обтяжекъ уже давно стала изготавляться изъ каучука, который отличался полной непромокаемостью.

Опытъ, однако, показалъ, что эта матерія должна, кромѣ того, быть окрашена въ такой цветъ, который могъ бы наилучшимъ образомъ отражать солнечные лучи и предотвращать нагреваніе газа внутри шара. Раньше съ этою целью оболочки шаровъ окрашивали въ желтый цветъ, впослѣдствіи же стали обсыпать каучукъ алюминіевымъ порошкомъ, такъ какъ онъ обладаетъ особынностью отражать тепловые солнечные лучи.

Постепенно эти опыты привели къ тому, что стали изготавливать осо-

бую каучуковую матерію, поверхность которой плотно усѣяна алюминіевымъ порошкомъ. Теперь эта матерія идетъ не только для изготавленія оболочекъ для дирижаблей, но и на непромокаемые плащи.

Походъ противъ табака.

Въ Англіи, подобно Америкѣ, въ нѣсколькихъ штатахъ уже существуютъ особые законы, воспрещающіе куреніе для молодежи, стали серьезно думать объ этомъ вопросѣ. Недавно въ палату общинъ внесенъ законопроектъ, суть котораго заключается въ слѣдующемъ: „ни одно лицо, моложе 16 лѣтъ, не имѣть права курить и вообще приобрѣтать табакъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Виновные подвергаются штрафу въ 10 шиллинговъ за каждое нарушеніе закона“. Другимъ параграфомъ закона-проекта воспрещается продавать табакъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, юношамъ, не достигшимъ 16 лѣтнаго возраста.

Страхование отъ развода.

Каринъ Михаэлльсъ, авторъ извѣстнаго романа „Опасный возрастъ“, уч-

редила Общество страхований отъ развода. Размеръ взноса зависитъ, какъ и во всѣхъ страховыхъ Обществахъ, отъ суммы страховки. Разведенная женщина, состоявшая членомъ Общества, получаетъ ежегодную ренту вплоть до того времени, пока опять не выйдетъ замужъ. Михаэльса надѣется, что черезъ нѣсколько десятилѣтій женщины съ благодарностью будутъ вспоминать основательницу Общества страхований отъ развода.

Чудесное превращеніе.

Въ послѣднее время на аренѣ севильского цирка подвизалась неустранимая Саломея Нунецъ, заколовшая великое множество быковъ. Прекрасно сложенная барышня, съ небеснымъ выражениемъ глазъ и тонкимъ дѣтскимъ голосомъ, возбуждала своею неустранимостью искреннее изумленіе опытныхъ, посѣдавшихъ въ свою кровавомъ ремеслѣ тореадоровъ. Восхищанія восторга раздавались въ циркѣ при видѣ красивой наездницы, выѣзжавшей на арену на кровномъ скакунѣ и съ беззавѣтной храбростью кидавшейся въ самое пекло борьбы. Но севильскія власти заявили рѣшительный протестъ противъ нового применения женскаго труда, мотивируя запрещеніе тѣмъ, что женщина не создана для такой кровавой потѣхи. Тогда Саломея Нунецъ надѣла мужской костюмъ, отстригла подъ гребенку свои роскошные волосы и представила властямъ докторское свидѣтельство, что она мужчина. Власти сочли себя удовлетворенными. Но г-жѣ

„Панна Малишевская“.

2-й актъ на сценѣ харьковскаго драматического театра.

(Съ фотографіи Лещинскаго).

Е. В. Чаруская,

артистка городскаго театра.

(Съ фотографіи Лещинскаго).

— Чѣмъ боленъ Губертъ?

— Расширеніемъ желудка.

— Что? При теперешней дороговизнѣ?

(„Fleg. Bl.“)

Нунецъ пришлось разстаться съ своей фамиліей, успѣвшей уже стяжать громкую извѣстность. Сейчасъ она подвигается подъ псевдонимомъ „Веверте П.“. Она прекрасно себя чувствуетъ въ новой роли и даже не можетъ пожаловаться на охлажденіе къ ней пламенныхъ сердецъ севильской молодежи.

Первый наперстокъ.

17 октября 1684 года былъ изготовленъ первый въ мірѣ наперстокъ. Его сдѣлалъ известный въ Амстердамѣ

золотыхъ дѣлъ мастеръ Николаусъ ванъ-Беншотенъ для своей возлюбленной и препроводилъ его къ ней со словами:

„Посылаю новѣйшее изобрѣтеніе мое для защиты вашихъ прилежныхъ рукъ“.

Изобрѣтеніе оказалось чрезвычайно удобнымъ, и съ него начали изготавливать массу копій, т. к. въ тѣ далекія времена не имѣли понятія о патентахъ, воспрещающихъ поддѣлку.

Особенно цѣнны наперстокъ поднесъ покойный сіамскій король Пара-

мидо-Мага-Чулалонгкорнъ своей невѣстѣ. Наперстокъ этотъ изображалъ бутонъ лотоса, и на немъ изъ маленькихъ брилліантовъ были составлены имя невѣсты и день ихъ обрученія.

Богатыя китаянки шьютъ съ перстками изъ рѣзного перламура съ золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Такимъ образомъ, полезное произведеніе Беншотена сдѣлалось, между прочимъ, и предметомъ роскоши.
